

ББК 63.4

Ф 82

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 13

Ответственный редактор:

Редколлегия:

*Р.С. Хакимов, А.Г. Ситдиков, И.М. Миргалеев, Г.Ф. Габдрахманова,
В.Н. Бахматова, Ф.Ш. Хузин (отв. ред.)*

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, Хузин Фаяз Шарипович (Казань) – сопредседатель, Артемьева Надежда Григорьевна (Владивосток), Афанасьев Геннадий Евгеньевич (Москва), Байпаков Карл Молдахметович (Алматы, Казахстан), Белорыбкин Геннадий Николаевич (Пенза), Боталов Сергей Геннадьевич (Челябинск), Волков Игорь Викторович (Москва), Гмыря Людмила Борисовна (Махачкала), Евглевский Александр Викторович (Донецк, Украина), Кляшторный Сергей Григорьевич (С.-Петербург), Кызласов Игорь Леонидович (Москва), Мухамадиев Азгар Гатауллович (Казань), Мыц Виктор Леонидович (Симферополь, Украина), Нарожный Евгений Иванович (Армавир), Овсянников Владимир Владиславович (Уфа), Руденко Константин Александрович (Казань), Савинов Дмитрий Глебович (С.-Петербург), Табалдиев Кубатбек Шакиевич (Бишкек, Киргизия), Татауров Сергей Филиппович (Омск), Тихонов Сергей Семенович (Омск), Тишкин Алексей Алексеевич (Барнаул), Фодор Иштван (Будапешт, Венгрия), Худяков Юлий Сергеевич (Новосибирск).

Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 13. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – 308 с. + 16 с. цв. вкл.

В сборник вошли материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» (раздел 2), I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (раздел 1) (7–11 декабря 2009 г., г. Казань).

ISBN 978-5-905576-21-8

© Институт истории АН РТ, 2011
© ООО «Фолиант», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

Георги Г. Атанасов, Пламен Хр. Павлов. TATARO-BULGARICA – ТРИ ЭТЮДА О БОЛГАРСКО-ТАТАРСКИХ КОНТАКТАХ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ В XIII–XIV ВВ.	3
В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.С. Онищенко. УГОРСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЪ-ИРТЫШЬЯ (СООРУЖЕНИЯ, ВЕЩИ, ЖЕРТВЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ)	33
Б.Д. Борисов. САРМАТО-АЛАНЫ НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ	46
И.Л. Измайлов. ИСТОРИЯ СЛОЖНОСОСТАВНОГО ЛУКА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (СЕРЕДИНА VIII – XIV ВВ.)	56
С.Ф. Кокшаров. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В БАССЕЙНЕ р. КОНДА	73
В.Д. Кубарев. НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНИХ ТЮРОК АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ	81
Тэцу Масумото. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ «КИТАЙСКИХ» БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИБИРИ	95
А.Г. Мухамадиев. КРАХ ГИПОТЕЗЫ ОБ «ОСОБОМ» ПРОТОБУЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ	101
Л.Ф. Недашковский. ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ ОКРУГИ ГОРОДИЩА ШАРЕНЬИ БУГОР	104
Т.Б. Никитина, И.А. Сапрыкина, Р.А. Митоян. ОБ ОДНОМ ТИПЕ НАКЛАДОК ИЗ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА НИЖНЯЯ СТРЕЛКА (IX–XII ВВ.)	115
А.А. Нуржанов. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД КУЛАН	127
С.А. Пантелеев. ОБ ОДНОМ ПОЯСНОМ НАБОРЕ (X – НАЧАЛА XI ВВ.) ИЗ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ	133
И.Ю. Пастушенко. «УГОРСКАЯ ЭПОХА ПРИКАМЬЯ» – ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ	138
А.В. Пачкалов. ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIII в.	146
К.А. Руденко. АСКИЗКИЕ ДРЕВНОСТИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	156
А.Г. Ситдиков. ВОЛГО-ОКСКИЙ РЕГИОН ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ В ЭПОХУ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА	163
Е.К. Столярова. К ВОПРОСУ О ПРОНИКНОВЕНИИ СТЕКЛЯННЫХ БУС НА ТЕРРИТОРИЮ СЕВЕРНОГО ПОДМОСКОВЬЯ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ	169
Б. Тотев, О. Пелевина. СОКРОВИЩЕ ИЗ МАЛОЙ ПЕРЕЩЕПИНЫ И ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА БОЛГАР НИЖНЕГО ДУНАЯ	174

РАЗДЕЛ II

Г.Н. Айдарова-Волкова. ТЮРКСКИЕ ТРАДИЦИИ В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ГОРОДА X–XIII ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ г.БИЛЯРА)	180
Напил Базылхан. ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ КАГАНСКО-КНЯЖЕСКИЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	187
Г.Р. Галиуллина, Л.В. Шулунова. ЕДИНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОД РЕГИОНА ИДЕЛЬ-АЛТАЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ)	195
А.В. Головинёв. ЛОКАЛЬНЫЕ И МАГИСТРАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ	197

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В БАССЕЙНЕ р. КОНДА

С.Ф. Кокшаров

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Кóнда – одна из крупных рек в таежной зоне Западной Сибири. Она является левым притоком Иртыша в его нижнем течении. Ее протяженность составляет не менее 1200 км, при площади водосбора почти 70000 км² (Боч, 1937, с. 96; Козловский, 1933, с. 179). Длительное время археологические исследования в Кондинском бассейне сдерживались отсутствием транспортной сети. Ситуация изменилась в 1960-е гг., с началом строительства железной дороги Ивдель-Приобье и появления первых поселков лесозаготовителей. Прокладка магистральных трубопроводов и обустройство нефтяных месторождений привели к формированию существующих ныне дорог и коммуникаций. Параллельно с развитием нефтегазовой промышленности Тюменского Севера активизировались и археологические исследования. В результате за три истекших десятилетия на данной территории были открыты сотни и раскопаны десятки археологических памятников.

Поисковые работы и раскопки археологических объектов затронули весь Кондинский бассейн. В разное время, в зависимости от целей, поставленных специалистами, изучались памятники каменного, бронзового и железного веков. Результаты этих исследований отражены в сериях статей и монографий. Что же касается средневековых комплексов первой половины II тыс. до н.э., то они не привлекали к себе столь пристального внимания. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, в 1970–1990-х гг. усилия ведущих специалистов (В.А. Могильников, Л.М. Терехова, Н.В. Федорова, В.М. Морозов, С.Г. Пархимович, А.П. Зыков) были обращены на изучение либо памятников Сургутского Приобья, сконцентрированных в урочище Барсова гора, либо выразительных городищ Нижнего Прииртышья и Приобья (Рачевский, Шеркалинский, Перегребнинский и Низямский комплексы, Уки II). Другие археологи (А.В. Расторопов, С.В. Шумайлов, Г.П. Визгалов, Н.К. Стефанова, Н.А. Алексашенко), работавшие в бассейне Конды, выполняли преимущественно хозяйственные работы. У тех и других отсутствовала какая-то программа по изучению средневековых памятников.

Во-вторых, исследователи не обладали опытом, необходимым для изучения многослойных позднесредневековых городищ. Сложность раскопок подобных объектов заключалась в почти полном отсутствии в культурных отложениях позднесредневековой керамической посуды (Чернецов, 1957, с. 243), что существенно затрудняло их идентификацию. Основное внимание при раскопках таких городищ как Барсова гора 1/31–32, Рачевское I, Шеркалы I уделялось сбору вещевого материала и, в меньшей степени, расчистке деревянных конструкций, выяснению последовательности строительных горизонтов, пожаров и перекопов. Методика исследований сложно стратифицированных городищ была разработана лишь при исследованиях городка Эмдер в Нижнем Приобье (Зыков, Кокшаров, 2001), в рамках реализации исследовательской программы «Древние городки Югорской земли». В 2001 г. для обмена полученным опытом на базе Югорской археологической экспедиции ИИА УрО РАН и УрГУ, изучавшей Эмдер, был проведен международный полевой семинар. Специалисты, собравшиеся на этот форум, ознакомились с особенностями раскопок, осмотрели планы и расчищенные профили этого интереснейшего археологического памятника (Соколов, 2003, с. 104–109).

Наконец, в-третьих, на археологов оказывали влияние взгляды В.Н. Чернецова, авторитетнейшего исследователя древних и средневековых культур Урала и Западной Сибири. Достаточно сказать, что схема развития материальной культуры средневекового населения Обь-Иртышья, разработанная исследователем, актуальна до нашего времени (1957). Лишь накопление новых материалов дало основания для ее корректировки. В частности, она дополнена сайгатинским этапом, к которому отнесены древности XIII–XVI вв. (Федорова и др., 1991, с. 141). Совсем недавно

древности этого времени, происходящие из районов Приуральской части Западной Сибири, предложено объединить определением «эмдерский тип памятников» (Зыков, 2006, с. 122). Еще одной примечательной стороной поздних работ В.Н. Чернецова является полный отход от изучения такого уникального исторического феномена как средневековые княжества таежных угров, с которыми связаны часть кингусовских объектов (по В.Н. Чернецову) и памятники сайгатинского времени. Позиция, занятая Валерием Николаевичем по этому вопросу, выглядела бы действительно странной, если не принимать в расчет крайне неблагоприятную обстановку, которая сложилась в советском государстве в 1930-х гг. Отход от проблемной темы, не укладывавшейся в официальную методологию о формационном развитии общества, позволил ученому уклониться от возможных репрессий (Кокшаров, 2006, с. 129–147).

В этой связи становится объяснимым наш интерес к средневековым объектам, которые связаны с историей Кондинского княжества.

Информация о средневековых крепостях, существовавших в бассейне Конды, содержится в фольклоре и исторической памяти коренных жителей – хантов и манси, а также в работах зарубежных и отечественных исследователей, посетивших этот район в разные годы. С конца 1990-х гг. к поисковым работам и раскопкам подключились археологи ИИА УрО РАН и Угорского научно-исследовательского центра УрГУ.

Два городка упомянуты в былинке «Про богатырей города Эмдера». Она записана С.К. Паткановым у кондинских хантов, жителей юрт Шумиловских, находящихся в нижнем течении реки (1900, с. 10–17, 98–101). В повествовании ведется речь о двух одновременных походах эмдерских богатырей с территории Нижней Оби на р.Конду. Первый городок, посещаемый эмдерскими богатырями, назывался Кари-поспат урдат вош «*богатырский городок на стерляжьей протоке*». Он располагался неподалеку от устья Конды, вероятно, на Большекондинском сору. Другой, носивший название Харда вош, находился в среднем течении реки. Он может быть связан с большой уверенностью с городком Картауж, известным в русских письменных источниках как политический центр кондинских правителей в конце XVI – начале XVII в. (Бахрушин, 1935, с. 75). Если первую крепость еще предстоит отыскать, то вторая, вошедшая в отчетную документацию как городище **Ушенья I**, была открыта и обследована в 2004 г. сотрудниками Угорского научно-исследовательского центра Уральского государственного университета (Каменский, Жирных, 2006, с. 235).

Памятник, именуемый местными жителями «Шаман-гора», расположен на левом берегу небольшой речки, на удалении 340 м от ее русла, в среднем течении р. Конды. Объект занимает мысовидный участок первой надпойменной террасы, возвышающийся на 6–8,5 м над уровнем napольной поверхности. Площадка городища подпрямоугольной формы размером 30 × 25 м, ориентирована по длинной оси в направлении СВ-ЮЗ. В основании холма отчетливо виден ров шириной от 2,5 до 4 м. С внешней стороны рва сохранились остатки стены в виде расплывшегося земляного вала шириной 5–10 м. Подъемный материал с городища представлен изделиями из железа и бронзы. К первым относятся железные наконечники стрел, ножи, однолучинный светец и щипцы (рис. 1, 1–2), ко вторым – шумящая подвеска, напоминающая застежку-фибулу без петли держателя для язычка и бронзовая накладка. Присутствие светца и щипцов свидетельствует о функционировании поселения в русское время. Это хорошо согласуется с данными письменных источников, которые сообщают о регулярных посещениях Конды Василием Кондинским и Андреем Пелымским. Первый приходился внуком Агаю, а второй Аблегириму, княжившим в Конде и Пелыме в дорусское время (Бахрушин, 1935, с. 80–82).

По сведениям Л.Р. Шульца, в 1920-е гг. одна часть кондинских городищ, представлявших собой насыпанные площадки, рассматривалась хантами и манси в качестве сооружений легендарных богатырей, другая приписывалась чуди, а один из городков, расположенный возле юрт Есаульских (ниже по течению от поселка Кондинское), назывался ими руть-вож. Из названия следует, что он был построен русскими (1924, с. 25).

Археологические объекты в бассейне Конды упоминаются в работе финского этнографа А. Каннисто, собиравшего материалы по мифологии вогулов на северо-западе Сибири (1958). К сожалению, идентификация этих памятников затруднена.

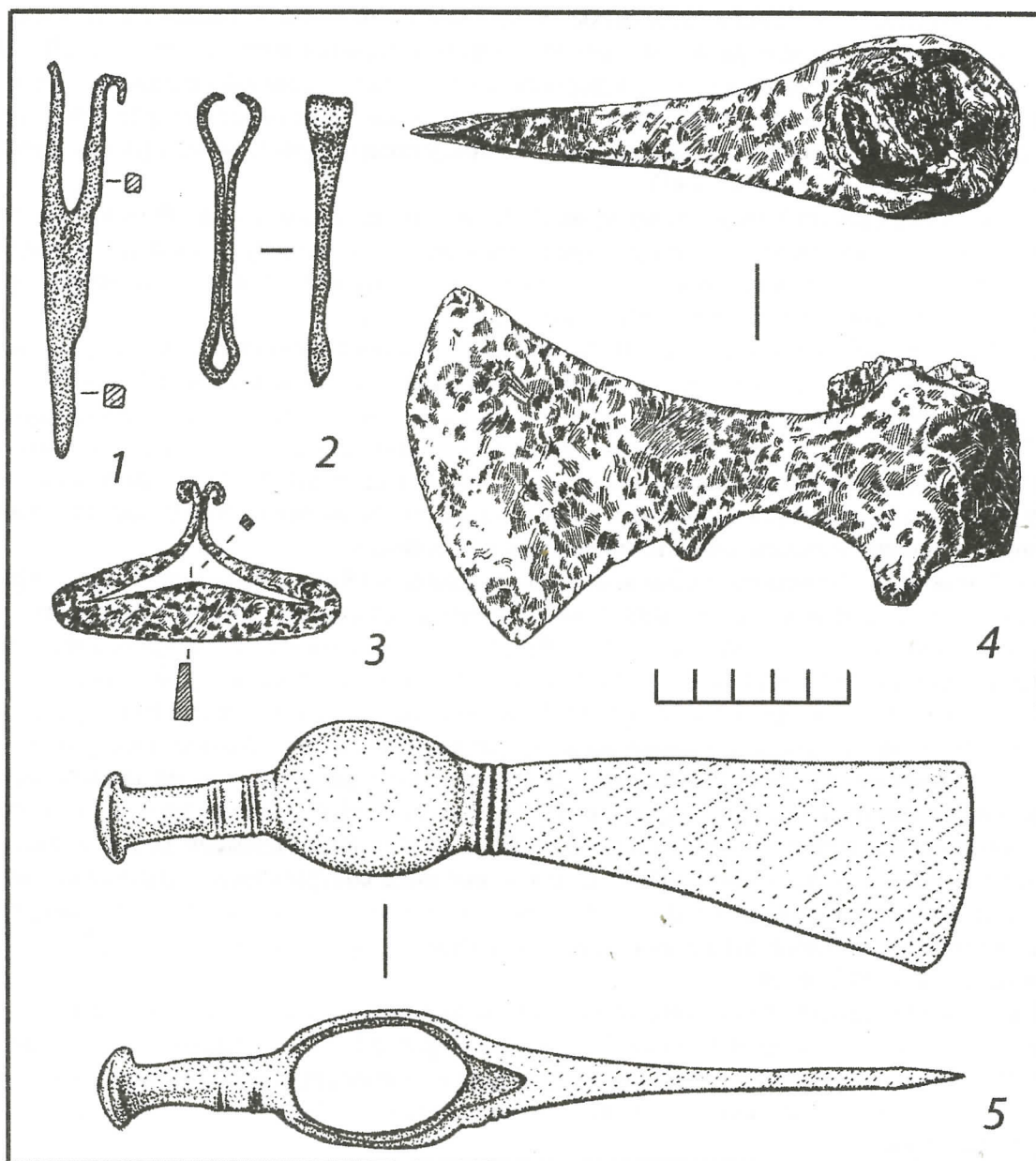

Рис. 1. Изделия из железа со средневековых городищ Кондинского бассейна:
1 – светец; 2 – щипцы I; 3 – кресало с; 4 – бородовидный топор; 5 – топор-чекан
(1–2 – городище Ушенья I; 3–4 – городище Большая Умыгья 36;
5 – городище Высокая гора I).

Так, например, в среднем течении Конды, в двух верстах ниже от деревни Леуши, есть «Гора», известная как «холм железных духов». Согласно мифу, здесь полегли триста воинов князя Нижнего мира (Kannisto, 1958, s. 179). Судя по всему, объект, выделявшийся на равнинном ландшафте, связывался с каким-то конкретным событием (сражением), которое произошло между местными жителями и чужаками, пришедшими с низовьев реки.

В верхнем течении р. Тап (левый приток Конды в среднем течении) неподалеку от деревни *аутрāвл* находится так называемый городской холм. Речь идет либо о трехплощадочном городище, либо остатках трех крепостей, которые расположены рядом друг с другом (Kannisto, 1958, s. 190).

На р. Вингья, примерно в 30 верстах ее верхнего течения имеется высокий холм, именуемый *хвāйхвāрəη ūs* или городком *хвāйхвāрəη* (Kannisto, 1958, s. 190).

По наблюдениям А. Каннисто, к особо почитаемым или святым местам кондинских угров относятся те, где прежде располагались укрепленные городки местных правителей – князей, обладавших всей полнотой власти в дорусское время, период былой независимости вогулов. В числе таковых упоминается *jäl(pη ùssäx «холм священного городка»*, расположенный на Нижней Конде. Он находится на обрывистом берегу вблизи ручья, неподалеку от деревни Карминск (Kannisto, 1958, s. 242–243).

Во время поездок по Кондинскому краю А. Каннисто не только изучал фольклор и этнографию коренного населения, но и приобрел здесь железную кольчугу. Она была найдена, якобы, под корнем дерева у пауля Сотниковского (совр. Сотник) в среднем течении Конды. В последующем предмет был вывезен за пределы России.

Л.Р. Шульц особо отмечает клад, найденный около села Беленгут (Палхол-пауль), которое расположено северо-восточнее поселка Нахрачи (совр. назв. Кондинское). Он состоял *«из серебряных монет, судя по описаниям, по-видимому, великокняжеских и серебряных украшений»* (Шульц, 1924, с. 25). К сожалению, коллекция была продана неизвестному лицу и в дальнейшем пропала из поля зрения исследователей. Очень похоже на то, что клад не был сокрыт каким-то конкретным человеком, а представлял собой жертвоприношения на крупном святилище, принадлежавшем одной или нескольким общинам.

В работах В.Н. Чернецова, побывавшего на р. Конде в 1933 г., подмечены топографические особенности кондинских городищ. Они отличаются от северососьвинских тем, что устроены не на мысах, а на холмах. Кстати, он был первым из специалистов, проводившим рекогносцировочные раскопки позднесредневековых памятников в бассейне р. Конды.

В поездке по р. Юконде (левый приток Конды) В.Н. Чернецов обследовал окрестности поселка Харым-пауль (Карым) и обнаружил городище, вошедшее в археологическую литературу под названием *Ус-Толт «городская пристань»*. Оно расположено на правом берегу р. Харом-я, на месте, где в нее впадает р. Вос-Кальтенг-я. В преданиях манси оно изображается как место обитания родового предка. Вплоть до недавнего времени холм, на котором оно расположено, считался священным, а на его вершине совершались жертвоприношения. Здесь были найдены кольцо и *«медные старинные пятаки»*, которые можно было бы действительно принять за приклады на языческом святилище (Чернецов, 1957, с. 140; Источники по этнографии..., 1987, с. 164).

Весьма примечателен план и описание памятника, приведенные исследователем.

Площадка городища прямоугольной формы размером 32 × 18 м расположена на вершине холма. В его основании с напольной стороны видны не менее двух рвов шириной около 4 м. На месте внешней оборонительной стены хорошо заметен вал. Он протянулся на 52 м и достигает в ширину 6 м.

В профилях, полученных В.Н. Чернецовым, обращают внимание самые поздние слои I–II, V, достигающие мощности от 0,5 до 1 м. Они состоят из органических остатков – перегнившей щепы, угля и пережженных костей. Он не связал их с отложениями позднесредневекового городища, а ошибочно проинтерпретировал как «мусор», скопившийся месте функционировавшего святилища.

В толще памятника действительно содержалось много древесных остатков. Жители *«неоднократно бугор копали с целью найти золото, но не докапывались ни до чего. Доходили до деревянного наката и там останавливались»* (Источники по этнографии..., 1987, с. 164). Примечательно, что в подстилающем слое III были обнаружены *«остатки тына городища из вертикально поставленных бревен, следы которых в виде древесного тлена хорошо заметны. Нижним концом бревна были вкопаны в землю, для чего вдоль всей бровки выкопана канава. С наружной стороны основание тына усилено двумя рядами, но уже коротких столбов или свай, по-видимому, не возвышавшихся над уровнем почвы. Кроме этого, все основание стены было закреплено обвязкой из горизонтальных бревен, предохранявших столбы от раскачивания»* (1957, с. 141). Обилие органических остатков привело к их возгоранию, и, как это нередко бывает на торфяниках, они тлели почти год. В результате верхние отложения на трети холма были полностью уничтожены.

Керамика, происходящая из ранних слоев, послужила основанием для отнесения городища Ус-Толт к числу памятников карымского этапа нижнеобской культуры (IV–V вв.). Это заключение было вполне закономерно, так как в поздних напластованиях керамический материал отсутствовал, поскольку посуда в XIII–XVI вв. почти не лепилась и заменялась привозной металлической. В данном случае исследователь столкнулся с явлением, знакомым нам по изучению городка Эмдер. Этот памятник датирован первоначально по подъемному материалу – керамике зеленогорского типа – VII–VIII вв. Лишь после раскопок выяснилось, что посуда происходит из раннего культурного слоя и попала в позднесредневековые объекты после многократных перекопов.

По сообщению Л.П. Хлобыстина, площадка городища Ус-Толт была почти полностью разрушена местными жителями. Центральная часть холма, где она находилась, вынута экскаватором, а в образовавшейся яме сооружен ледник для хранения рыбы. Несмотря на это, внешние фортификации памятника – рвы и остатках оборонительной стены – еще могут представлять научный интерес.

Комплекс средневековых памятников обнаружен на р. Большая Умытъя, являющейся левым притоком Конды в ее среднем течении. Он включает городище и святилище.

Городище **Высокая гора I** находится на правом берегу реки, напротив устья р. Мостовой, и представляет собой холм, поросший луговой травой, возвышающийся на 10 м над поймой. Вершина холма овальной формы размером 25 × 17 м, по длинной оси ориентирована вдоль берега. В основании возвышенности прокопан ров шириной не менее 5 м. С внешней стороны ров охвачен валом, возникшим на месте оборонительной стены. Наиболее четко он виден с северо-восточной стороны. Его протяженность до 70 м, ширина 4 м. Южная сторона холма, обращенная к реке, осыпается и здесь хорошо видны мощные слои органики в виде щепы, слоев бересты, трухлявых стволов и плах. Аналогичные отложения фиксируются в многочисленных грабительских ямах, выкопанных на жилой площадке и ее склонах. Несмотря на значительные разрушения, жители поселка Половинка по-прежнему почитают данное место.

Из культурного слоя памятника происходит железный топор-чекан.

Топор (рис. 1, 5) имеет длину 22,4 см, асимметричное подтреугольное лезвие длиной 12 см и шириной 5,5 см. Щекавицы овальные. Проушное отверстие также овальной формы размером 4,5 × 2,6 см. Обух топора молоточковидный, округлой формы в поперечном сечении, длиной 4,6 см. На одной из плоскостей предмета на сужающемся в основании лезвии сохранились два параллельных валика. Аналогичный декор из четырех сдвоенных валиков отмечен в основании обуха. Из-за коррозии предмета нельзя сказать определенно имелся ли орнамент на противоположной стороне секиры.

А.Н. Кирпичников относит подобные изделия к топорам – молоткам первого типа. Они встречаются на памятниках X–XIII вв., широко распространены в Восточной Европе и особенно характерны для дружинных древностей (Кирпичников, 1966, с. 33). На территории Западной Сибири сходные топоры обнаружены в качестве сопроводительного инвентаря в Барсовском I, Сайгатинском I (погр. 73) могильниках, относимых к IX– началу X вв. (Зыков и др., 1994, с. 149), и в Зеленоярском некрополе (погр. 27) (Зеленый Яр, 2005, с. 107, 113). Для погр. 23 могильника Зеленый Яр получена дендрохронологическая дата – 1282 г. (Шиятов, Хантемиров, 2005, с. 303).

В 1,5–2 км вниз по течению от Высокой горы, на левом берегу Большой Учиньи, в 100 м от ее устья расположено местонахождение **Учинский мыс III**, представляющее небольшое куполообразное возвышение (Погодин, 1993, с. 40–41). Оно выделяется на местности темным гумусированным культурным слоем и тем, что на нем сохранилась комлевая часть старой высохшей ели или лиственницы. Никто из селян не решается спилить или выкорчевать высохший ствол, по той причине, что место зовется «Шаманской горкой». В 1996 г. во время осмотра берега у корней дерева были обнаружены фрагменты черепа человека и железный нож с костяной рукоятью плохой сохранности. Накладные костяные пластины крепились к изделию тремя железными клепками. Подобное оформление рукоятей ножей на территории Западной Сибири широко распространено в русское время. Присутствие в слое костей человека

может указывать на неординарный характер памятника, возможно, на функционирование в данном месте святилища.

Позднесредневековое городище, получившее название **Чертова гора**, находится в 2–2,5 км к востоку от пос. Устье-Аха. Оно располагается на левом берегу р. Запорской, правом притоке Конды в ее среднем течении. Памятник серьезно разрушен, поэтому говорить о его первоначальном облике сложно. Л.Н. Сладкова, проводившая раскопки объекта, опросила местных жителей и допускает, что прежде он представлял холм округлой или овальной формы, диаметром около 30 м. Он возвышался на 4,5 м над поймой, а на 2,5 м над напольной стороной. Некоторые жители помнят его крутые склоны, поросшие луговой травой (Сладкова, 2008, с. 147). По сообщению Л.Н. Сладковой, в поздних слоях памятника, наиболее пострадавших от антропогенного воздействия, встречена керамика X–XI вв. и железный наконечник позднего облика.

Наконечник имеет килевидную вытянутую форму, короткий плоский шип у основания пера и плоский короткий черешок без упора (Сладкова, 2004, рис. 167, 3). Подобные наконечники обнаружены на городке Эмдер в пределах кузницы и мостовой 9 строительного горизонта XV–XVI вв. и отнесены ко второму типу (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 65, рис. 34, 8, 15). Один аналогичный наконечник происходит из погр. 116 середины II тысячелетия могильника Усть-Балык (Семенова, 2001, с. 40, табл. 16.), один из сборов на Барсовой горе и семь со святилища XVI–XVII вв. на р. Малая Сосьва.

К интересующему нас времени может относиться **Оронтурское I** городище, открытое геологом С.Г. Бочем, и вошедшее позже в базу данных И.А. Талицкой (1953, с. 280). Памятник расположен на левом высоком берегу протоки «ах», которая соединяет оз. Оронтур (совр. Арантур) с Кондой в ее верхнем течении. У местного населения объект известен как «Шаманская горка». Действительно городище занимает вершину холма круглой формы диаметром около 20 м, окопанного в основании рвом глубиной до метра. По С.Г. Бочу, на статью которого указывает И.А. Талицкая, на городище найдены бронзовая пластинка (деталь поясного украшения), обломок штифта, оселок и обломки керамического сосуда. В 1986 г. оно исследовано группой уральских археологов, в которую входил автор статьи. В культурном слое памятника встречена обрезь медного листа при полном отсутствии средневековой керамики. Это обстоятельство может косвенно указывать на позднесредневековый возраст городища.

На сегодняшний день в бассейне р. Конды имеется одно укрепленное поселение, при раскопках которого учтен опыт изучения городка Эмдер (Нижнее Приобье) и города Сибирь – столицы Сибирского ханства. Это городище **Большая Умытья 36**, расположенное на реке с эпонимным названием, левом притоке Верхней Конды. У местного населения объект известен как еще одна «Шаман-гора». Памятник занимает холм, возникший на оконечности коренной террасы. Он возвышается над поймой почти на 12 м. Размер площадки на вершине холма с запада на восток 40 м, с севера на юг 34 м. С северной, западной и северо-восточной сторон по основанию холма фиксируется ров подковообразной формы и вал. Ширина рва достигает 6–9 м, глубина до 1,5 м. Протяженность вала 67 м, высота 1–1,5 м, ширина 6 м.

В западной части памятника сохранилась бульдозерная траншея. По ней перемещался транспорт, перевозивший людей и грузы с вертолетной площадки, для которой была подобрана вершина холма. При нивелировке его поверхности строительной техникой уничтожена большая часть позднейших напластований XV–XVI вв., которые оказались смещенными на склоны.

В 2004–2006 гг. на городище раскопано 208 кв. м культурного слоя и установлено, что к периоду средневековья относятся пять поздних строительных горизонтов (с пятого по девятый). По почти полному отсутствию керамической посуды слои шестого – девятого с.г. могут быть отнесены к концу XII–XVI вв. Получается, что на каждый из выделенных горизонтов приходится примерно 100 лет. Эта цифра незначительно отличается от полученной для городка Эмдер, где каждый из горизонтов охватывает в среднем по 70 лет.

В ходе раскопок установлено, что средневековое городище функционировало непрерывно на протяжении XII–XVI вв. Оно возникло на площадке, которая была отсыпана для укрепленного поселения раннего железного века. Планировка жилой площадки, изученной раскоп-

ками, на протяжении средневековья менялась незначительно. Это проявляется в том, что котлованы домов, помещались во впадины, возникшие на месте более ранних жилищ. Несмотря на значительные разрушения, удалось установить, что открытые кострища, располагавшиеся в центре жилых помещений XII–XIV вв., сменяются в XV–XVI вв. глинобитными печами-чувалами. Если учесть, что аналогичная картина прослежена на городке Эмдер (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 202), то может вестись о совершенно определенной тенденции. Появление очагов нового типа, безусловно, связано с активизацией отношений местного населения с южными соседями, входившими в состав государств сибирских татар. Стратиграфия дает представление об относительном возрасте выявленных средневековых напластований. Установление же абсолютных дат затруднено, так как в отложениях недостаточно вещей, которые можно отнести к числу хрономаркеров.

Исключением является бородовидный топор переходного облика, обнаруженный в жилище 2 восьмого (предпоследнего) строительного горизонта (рис. 1, 4). Эта находка уже опубликована и нет необходимости останавливаться на ее описании детально (Кокшаров, 2009, с. 71, рис. 2, 4). Замечу лишь, что время их бытования в Восточной Европе укладывается в рамки X–XIII вв. (Кирпичников, 1966, с. 29). Учитывая перекрытие восьмого горизонта отложениями с остатками печей-чувалов, появляющимися на севере Западной Сибири в памятниках XV–XVI вв. (см. Зыков, Кокшаров, 2002, с. 67–80), топор и связанный с ним объект могут датироваться не ранее XIV в.

Интересные наблюдения были сделаны при изучении отложений бескерамического (сайгатинского) времени, прослеженных на городище Большая Умытъя 36 и городке Эмдер. В напластованиях поселений отчетливо выделяются следы двух пожаров. На обоих памятниках слои первого пожарища лежат выше жилищ с кинтусовской керамикой и представляют собой самые ранние из бескерамических строительных горизонтов (шестой с.г. на Большой Умытъя 36 и третий с.г. на Эмдере). В свою очередь, слои второго горельника (восьмой с.г. на обоих городищах) перекрыты напластованиями с остатками глинобитных печей. Факты одновременного сожжения средневековых крепостей, расположенных в бассейне Конды и на Нижней Оби, в период с конца XII по XIV вв. можно было бы связать с совершенно определенными историческими событиями новгородско-югорских отношениях. Несмотря на заманчивость подобной интерпретации археологического материала, необходимо дальнейшее накопление сопоставительного материала и получение надежных хронологических привязок. Для выяснения микрохронологии кондинских древностей первой половины II тысячелетия необходимо продолжение раскопок на выявленных и новых поселенческих комплексах. Кроме того, необходимо привлечение материалов средневековых могильников, которые, к сожалению, либо не опубликованы, либо только готовятся к печати.

Источниковая база свидетельствует о том, что Северо-Запад Сибири, включая бассейн Конды, оказался в первой половине II тысячелетия в сфере интересов Новгорода Великого, Москвы, Волжской Болгарии и государств сибирских татар. Это обстоятельство не могло не отразиться в облике материальной и духовной культуры аборигенов Сибири. Местные вожди, возглавлявшие военно-политические объединения (т.н. остяко-вогульские княжества), были заинтересованы в постоянстве торгово-обменных связей со своими соседями и получении от них дорогого качественного оружия и защитного снаряжения, престижных вещей (серебряной посуды, украшений), одежды, тканей и отдельных продуктов питания. Ход исторических событий показал, что в зависимости от складывающихся условий таежная элита очень мобильно переориентировалась на более сильную в политическом или военном отношении сторону, выступая союзником последней.

Литература

- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935.
Боч С.Г. Стоянки в бассейне Северной Сосьвы и Конды // Труды по изучению четвертичного периода. Т. V. М., 1937.
Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург, 2005.

Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья // РА. 2002. № 2.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Н.В., Федорова Н.В. Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Изучение позднесредневековых городков Западной Сибири: история одного исследования // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие. Материалы международного симпозиума. Екатеринбург, 2006.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья сулицы, боевые топоры, булавы, кистени // САИ. 1966. Е1–36.

Козловский К.А. Очерк р. Конды и ее бассейна // Водные ресурсы Урала. Т. 1. М., 1933.

Кокшаров С.Ф. К 70-летию выхода книг С.В. Бахрушина и В.Н. Чернецова // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2. «Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие. Материалы международного симпозиума. Екатеринбург, 2006.

Кокшаров С.Ф. Из ранней истории Ломбовожа // Уральский исторический вестник. № 2 (23). Екатеринбург, 2009.

Погодин А.А. Отчет об археологической разведке в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург, 1993 // АКА УрГУ. Ф. II, д. 540.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.

Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике Чертова гора в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, произведенных летом 2004 г. Тобольск, 2004 // Архив НПЦ «Наследие». Инв. № 5085, 5086.

Соколов А.В. Вклад г. Нягани в историко-культурное развитие округа и международный полевой научно-методический семинар «Эмдер» // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск – Ханты-Мансийск, 2003.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1953. № 35.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии до н.э. // МИА. 1957. № 58.

Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Климат Полярного Урала и Ямала в VII–XIV вв., реконструированный при помощи древесных колец деревьев // Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург, 2005.

Шульц Л.Р. Кондинский край // Урал. Техничко-экономический сборник. Вып. 8. Уральский Север, часть 2. Свердловск, 1926.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Vogulen // MSFOu. 1958. Vol. 113.

Patkanov S. Die Irtytsch-Ostjaken und ihre Völkspoesie. Teil II. St.-Pbg., 1900.